

ХАФИЗ-И АБРУ

СОЧИНЕНИЯ

ХАФИЗ-И АБРУ И ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Considerees longtemps comme recueils de materiaux bons a exploiter dans l'interet de l'histoire de tel ou tel peuple europeen, les litteratures orientales tendent de plus en plus a devenir elle- memes le but et l'objet principal des recherches des orientalistes. On tache d'approfondir le developpement intellectuel des peuples orientaux, de retracer toutes les phases de ce developpement du genie oriental, independamment de ses relations plus ou moins etroites avec la civilisation europeenne.

Bar. V. Rosen, Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli a Bologne, p. 3.

Время Тимура и Тимуридов, как известно, было для Средней Азии эпохой величайшего внешнего блеска. Огромные богатства, собранные великим завоевателем, дали ему возможность украсить великолепными постройками свою столицу – Самарканд и свой родной город – Кеш (ныне Шахрисябз); с именем Тимура предание связывает также остатки некоторых других грандиозных сооружений (каналов, мостов и т.п.). Если сам Тимур мог посвящать этой стороне своей деятельности только время отдыха от военных походов, то его сын Шахрух, довольствовавшийся плодами подвигов отца и отказавшийся от дальнейших завоеваний, обращал почти исключительное внимание на мирное процветание страны, на украшение главных городов империи великолепными постройками, на восстановление разрушенных городов и заброшенных каналов.

Двор такого государя не мог не привлечь к себе научные и литературные силы. Наиболее действенным средством увековечить свое имя восточные властители всегда считали покровительство писателям вообще и историкам в особенности. Памятники литературы этой эпохи не поражают нас, подобно современным им архитектурным сооружениям, грандиозностью или оригинальностью замысла. Эпоха творчества в области мысли в то время уже миновала для всего Востока; во всех отраслях науки и литературы писатели XV в. были только подражателями своих предшественников. Естественно, что и в исторической литературе времен Тимуридов преобладают работы компилятивного характера. Историки, жившие [75] при дворе Шахруха и его сыновей, согласно желанию своих государей, заботились прежде всего о том, чтобы собрать остатки исторической литературы прежних веков, уцелевшие во время смут XIV столетия, и продолжить их в духе подлинника до своего времени. К сожалению, работы этих скромных, но в высшей степени полезных тружеников постигла та же судьба, как создания великих художников той же эпохи; в последующие века не нашлось людей, которые бы позаботились об их сохранении для потомства; очень важные сочинения того времени дошли до нас только в отрывках, так что мы и здесь можем составить себе представление о целом только по обломкам.

Самым замечательным историком указанного типа несомненно должен быть признан Нур ад-дин Лутфаллах б. Абдаллах ал-Хереви (Так у Абд ар-Раззака Самарканди; два других писателя XV в. называют нашего автора Шихаб ад-дином Абдаллахом. См.: Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 325 и Rieu. *Suppl. Pers*, p. 270. Сам Хафиз-и Абру называет себя ***), Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 67. <Позднее В.В.Бартольд

установил правильное имя историка – Шихаб ад-дин Абдаллах б. Лутфаллах ал-Хавафи (см. ниже, стр. 241, а также Бартольд, *Туркестан*, ч. II. Стр. 56-57; наст. изд., т. I, стр. 104). Ф. Тауэр приводит имя Хафиз-и Абру в несколько иной форме – Абдаллах б. Лутфаллах б. Абд ар-Рашид ал-Бихдадани (Tauer, *Les manuscrits persans*, I, pp. 97-102, № 36). Колофон стамбульского автографа *Маджма' ат-таварих* из библиотеки Шахруха (список не отмечен Ф. Тауэром) добавляет к последнему имени историка еще одну *нисбу* – ал-Хереви (Ettinghausen, *Manuscript of Hafiz-i Abru*, pp. 31-34). О Хафиз-и Абру и его трудах см. также: Bartold, *Hafiz-i Abru* (также ниже, стр. 600); Tauer, *Vorbericht*; idem, *Beitraege*; Storey, *Persian Literature*, vol. I, section II, fasc. 1, pp. 86-89; pt. 2, p. 1235; vol. II, pt. 1, pp. 132-133>), получивший прозвание Хафиз-и Абру. О его жизни мы знаем очень мало. По словам другого историка XV в. Абд ар-Раззака Самаркандского (См. рук. ун-та № 157, л. 233б; немецкий перевод у Hammer-Purgstall'я (*Geschichte der Goldenen Horde*, S. 379), который читал *** в.м. ***), Хафиз-и Абру родился в Герате, получил воспитание в Хамадане и умер в Зенджане в шаввале 834 (По словам другого компилятора XV в. Фасиха, смерть Хафиз-и Абру последовала в воскресенье 3 шаввала 833 г.х., т.е. 25 июня 1430 г., во время возвращения с войском Шахруха из Азербайджана в Хорасан (Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 325). По Абд ар-Раззаку Самарканди, войско Шахруха только 2 шаввала выступило из Султани (рук. ун-та № 157, л. 239б). <Впоследствии В.В. Бартольд принял дату, приведенную Фасихом Хавафи, см. Bartold, *Hafiz-i Abru*; см. ниже, стр. 600-601>)/ <июне-июле> 1431 г. Из слов самого Хафиз-и Абру мы знаем, что он уже в царствование Тимура был близок ко двору; в нескольких местах он ссылается на слова, слышанные им лично от Тимура (Ср. Rieu, *Pers. MSS*, vol. 1, p. 422b. Также Хафиз-и Абру, рук. Публ. б-ки Dorn 290, в рассказе о походе Тимура на Хорасан в конце 782/1380 г., л. 280б: ***). В царствование Шахруха Хафиз-и Абру, по поручению своего государя, должен был заняться составлением двух обширных компилятивных трудов, географического и исторического; судя по хронологическим данным, оба труда [76] писались почти одновременно , что, конечно, должно было замедлить ход той и другой работы.

Географическое сочинение Хафиз-и Абру сделалось известным только в новейшее время. Экземпляр его был подарен в 1842 г., во время англо-афганской войны, знаменитому Ролинсону Яр-Мухаммед-ханом, правителем Герата (PRGS, vol. XI, p. 116 <заседание от 11 марта 1867 г. >). Рукопись Ролинсона в настоящее время находится в Британском музее (Ог. 1577) и подробно описана в каталоге д-ра Rieu (*Pers. MSS*, vol. 1, pp. 421-424). Имя автора в рукописи не названо; Ролинсон и те, которые писали с его слов, всегда называли это сочинение анонимным. Принадлежность его Хафиз-и Абру впервые определена д-ром Rieu, показавшим его тождественность с сочинением, цитаты из которого значительно раньше сообщил Sir William Ousley (*Travels*. Страницы, где приведены цитаты, помечены в каталоге Rieu). Последний считал свою рукопись экземпляром исторического труда Хафиз-и Абру; вероятно, в ней, как и в других рукописях того же труда, рядом с географическим предисловием было помещено предисловие и оглавление исторической компиляции, предпринятой автором по поручению Шахруха в 820/1417 г.; это предисловие почти буквально повторяется в большом историческом труде Хафиз-и Абру. Сам Ousley говорит, что в единственном (Ousley, *Travels*, vol. II, p. 389) имевшемся в его распоряжении экземпляре книги были указаны две даты ее составления, 817 и 820 гг. х. (Ibid., p. 385), из чего видно, что в его руках действительно была только география, а не история нашего автора. Где находится в настоящее время этот экземпляр, нам неизвестно; мы не знаем также, где находится копия, сделанная для Эллиота (Elliot, *The History of India*, vol. IV, pp. 2-4), которая, судя по ее оглавлению, не тождественна с рукописью оксфордской Бодлеянской библиотеки Elliot 357, ошибочно названною в каталоге Эте

(Sachau – Ete, *Catalogue*, pp. 22-24, <№ 33>) экземпляром *Зубдат ат-таварих*. На рукопись географии, хранящуюся в нашей Публичной библиотеке (рук. Dorn 290) и происходящую из библиотеки Сефевидов, указал бар. В.Р. Розен (*Les Manuscrits persans*, p. 111. <О других списках этого сочинения см. Storey. *Persian Literature*, vol. II, pt. 1, pp. 132-133 (названо *Джуграфия-йи Хафиз-и Абру*); также Хафиз-и Абру, *Маджму'а*, извлеч. в изд. Тауэра, стр. XI-XII; географическими трудами являются также и два списка из собрания АН УзССР (СВР, т. VI, №№ 4159-4160), названные в описании историческим трудом *Зубдат ат-таварих*. Список № 4160 (инв. № 5361) принадлежит к коллекции В.Л. Вяткина (см. *Перечень*, № 126)>).

В 817/141-1415 г. Шахруху кем-то было поднесено географическое сочинение на арабском языке; по желанию государя Хафиз-и Абру должен был перевести эту книгу на персидский язык и дополнить ее по другим источникам. При этой работе автор мог пользоваться такими источниками, которые [77] теперь частью совсем утрачены, частью считаются большой редкостью, как *Джахан-наме* Мухаммеда б. Неджиба Бекрана (Пока известны только две рукописи этого труда: рук. парижской Нац. б-ки Ancien fonds persan 384 и рукопись Туманского <рук. ИВАН С 612>. См.: Туманский, ЗВОРАО, т. IX, стр. 302; его же. *Новооткрытый персидский географ*, стр. 124. <Сочинение издано в 1960 г. Ю. Е. Борщевским>), сочинение Ибн Са'ида (См. Абу-л-Фида, *Таквим*, пер. Рено, т. I, стр. CXLI и сл; Rieu, *Suppl. Arab.*, pp. 471-472), *Масалик ал-мамалик ал-'Азизи* (автор – Хасан б. Ахмед ал-Мухаллиби) – один из главных источников Абу-л-Фиды (Абу-л-Фида, *Таквим*, пер. Рено, т. I, стр. XCII), *Сувар ал-акалим* Мухаммеда б. Яхьи (Отрывки из этого сочинения, написанного в 748/<1347-48> г., напечатаны К. Г. Залеманом (*Mi'jar i Jamali*, p. 493 sq.). <По мнению Ю. Е. Борщевского, автора по имени Мухаммед б. Яхья не существовало. Хафиз-и Абру прочел Мухаммед б. Яхья ал-Хинди вместо Мухаммед б. Бахр ар-Рухни (автор *Ашкар ал-акалим*), чем ввел в заблуждение последующих авторов; см. Бекран, *Джахан-наме*, изд. Борщевского, стр. 22, прим. 62>).

Подобно всем мусульманским географическим сочинениям, книга Хафиз-и Абру начинается с описания вида земли и ее разделения на поясы, после чего следует перечисление важнейших морей, озер, рек и гор; затем уже начинается отдел, посвященный политической географии, т.е. описанию различных областей и городов. За географическим описанием каждой области следует очерк ее истории, иногда довольно подробный, особенно в главах о Фарсе, Кермане и Хорасане.

В космографической части книги особенного внимания заслуживает то место, где говорится о прежнем течении Аму-Дарьи. Вопрос о том, впадала ли река еще в историческое время в Каспийское море, давно уже занимает географов и ориенталистов. Де Гук в своей монографии «Das alte Bett des Oxus» пришел к выводу, что старое русло Аму-Дарьи (Узбой), идущее от нынешнего течения реки к Каспийскому морю, высохло еще в доисторический период, что с того времени, к которому относятся древнейшие исторические известия, река всегда впадала в Аральское море. Раньше считалось возможным, что вследствие опустошений, произведенных монголами в Хорезме и сопровождавшихся разрушением плотин, по крайней мере часть вод Аму-Дарьи, направившись к юго-западу, проложила себе путь к Каспийскому морю и что прежнее направление реки было восстановлено только в XVI в. Сторонники этого взгляда ссылались на вполне определенные свидетельства Хамдаллаха Казвини (писателя XIV в.) и нашего автора (имя которого тогда еще не было известным). Де Гук опровергает достоверность этих свидетельств и противопоставляет им слова их современников (Абу-л-Фиды, Димашки, Ибн Фадлаллаха и Джурджани), говорящих, подобно своим

предшественникам, только о впадении Аму-Дарьи в Аральское море. Но этот довод опровергается тем важным фактом, что писатели второй категории *буквально* [78] повторяют слова географов X в. и Якута, т.е. они знали об Аму-Дарье только по книжным источникам, тогда как слова Казвини и Хафиз-и Аbru не представляют никакого сходства со словами тех географов IX в., которые, считая Аральское море частью Каспийского, заставляли Аму-Дарью впадать в последнее. Ввиду важности вопроса мы позволим себе привести, в подлиннике и в переводе, известия обоих писателей.

Из сочинения Казвини *Нузхат ал-кулуб* («Отрада сердец») (Мы пользовались тремя рукописями С.-Петербург. ун-та (60, 171 и 304) <о них см. Тагирджанов, *Описание*, №№ 154-156> и пятью рукописями Аз. муз. (603b, 603 bba, 603bba bis, 603 bbb) <о них см. Миклухо-Маклай, *Описание*, вып. 1, №№ 20, 22-23, 25-26; также Персидские и таджикские рукописи ИНА, №№ 4419, 4421-4424>. Наибольшей полнотой отличается текст рук. ун-та 60 (лл. 236, 242). Немецкий (сокращенный) перевод соответствующих мест у Реслера (Roesler), *Die Aralseefrage*, S. 229-230, 247. <Сочинение издано и переведено Ле Стрэнджем (1915-1919 гг.): новое издание выпущено Дабиром Сияки в 1958 г.>) : *** [79] ***

«*Река Джейхун*. Её называют также рекой Амуе; она состоит из шести рек, соединяющихся между собой, после чего река получает название Амуе, под которым она пользуется большой известностью. Она находится к востоку от Ирана и течет с юга на север. Один рукав вытекает из Тибетских гор, другой – из гор Бадахшана, третий – из пределов Саганиана, четвертый – со стороны Хутталяна; в каждый из этих рукавов до их соединения впадает несколько других; некоторые рукава протекают через области Балх и Термез. После соединения всех рукавов река проходит через горное ущелье, называемое Львиной Пастью, около селения Букия, в окрестностях Хазараспа. Ущелье находится между двумя горами, расстояние между которыми очень незначительно, меньше 100 метров; река при всем своем многоводии протекает здесь. В земле ... река скрывается в песках и на расстоянии одного фарсаха не видна, но проходить по этим пескам нельзя. Из Джейхуна проведены большие каналы, по берегам которых есть обширные постройки и необозримые пашни; таковы канал Гахорэ, проток Хазараспский, проток Кердар, канал Гирье, канал Хивинский и др. По каждому из них могут плавать суда. Некоторые протоки изливаются в Хорезмское озеро; главный рукав Джейхуна, пройдя через Хорезм, низвергается с возвышения Хульм, которое по-тюркски называют Гёрледи ("Шум"); шум его слышен на два, даже на три фарсаха; после этого река впадает в Хазарское море в местности Халиджан, где живут рыбаки. От Хорезма до моря 6 дней пути; длина реки – 500 фарсахов. Эта река зимой покрывается таким толстым льдом, что некоторое время по нему могут проходить караваны; прорубь в нем идет вглубь на несколько метров, пока доходит до текущей воды.

Море Хазарское. В нем около 200 островов; из них самые известные [следующие]. Абескун теперь скрыт под водой, по той причине, что Джейхун, прежде впадавший в Восточное море, расположенное напротив страны Яджудж и Маджудж, около времени появления монголов изменил свое течение и направился к этому морю. Так как это море не соединено с другими, то по необходимости вода затопила часть материка, для уравнения прихода и расхода. [Другие острова]: остров Безвредных змей, остров Духов, остров Черная гора (Т. е. полуостров Мангышлак, ср. de Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 16-18), остров Медный (По другому чтению «Греческий»), остров Степных [80] баранов.

Из этих островов Абескун и Черная гора в прежние времена были населены; теперь они тоже лишены обитателей».

Из Хафиз-и Абру (Рук. Dorn 290, лл. 226, 286; английский перевод помещен Ролинсоном в PRGS, VOL. XI, p.116 <заседание от 11 марта 1867 г.>. Немецкий перевод (с английского) у Реслера, *Die Aralseefrage*, S. 245-246): ***

«Озеро Джейхуна. В книгах прежних авторов упоминается Хорезмское озеро, куда впадал Джейхун. Но теперь, т.е. в 820 г.х., этого озера нет; вода Джейхуна проложила себе [новый] путь и изливается в Хазарское море в месте Гёрледи.

Река Балх; эту реку среди арабов называют Джейхуном, а в Хорасане – рекой Амуе, так как в селении Амуе находится место переправы [через эту реку] по дороге из Хорасана в Бухару. В старых книгах вообще написано, что из Хорезма река течет в Хорезмское озеро; но теперь это озеро исчезло; вода проложила себе [новый] путь, так что изливается в Хазарское море [в месте], которое называется Гёрледи; другое название этого места – Акреча (Огурча). После Хорезма река течет большею частью по пустыне до того места, где изливается в Хазарское море.

Река Ходжент доходит до Фараба; оттуда течет [далее] и, соединившись в Хорезмской степи с Джейхуном, изливается в Хазарское море.»

По мнению де Гье (*Das alte Bett des Oxus*, S. 20), Лерх вполне ясно (sonnenklar) доказал, что Хамдаллах Казвини не может считаться авторитетом относительно указанного [81] вопроса. В брошюре Лерха (*Khiva oder Kharezm*) о Хорезме мы, однако, не находим таких ясных доказательств. В доказательство того, что Казвини был **только** компилятором, приводится факт, что мы у него самого находим длинный список сочинений, которыми он пользовался; мнение, что он и как компилятор не всегда был добросовестен, доказывается следующим примером: географы X в. говорят о месте Халиджан при впадении Аму-Дарьи в Аральское море; Казвини тоже знает Халиджан как рыбацкий поселок, но помещает его на берегу Каспийского моря (*Lerch, Khiva oder Kharezm*, S. 23). Если даже допустить существование этой ошибки (Чтение названия, как видно из приведенных нами вариантов, не может быть вполне установлено. Кроме того, возможно, что после изменения русла Аму-Дарьи прежние названия были перенесены на новое устье. Де Гье (*Das alte Bett des Oxus*, S. 72-73), говоря об упомянутом у Ленца (*Unsere Kenntnisse*) старом русле Даудан (к югу от Куны-Дарьи), приводит со слов Вамбери известие, что туркмены у Балхана тоже называют **древнее русло Дауданом**), то она еще не уничтожает достоверности остальных показаний персидского географа, сочинение которого вообще имеет вид безусловно добросовестного труда. В отличие от большинства современных ему компиляторов Казвини не ограничивается выписками из сочинений IX и X вв., но указывает на перемены, происшедшие с того времени; вследствие этого мы находим в его труде менее анахронизмов, вводящих в заблуждение, чем, например, у Абу-л-Фиды и Димашки, показаниям которых де Гье (*Das alte Bett des Oxus*, S. 20) почему-то приписывает гораздо большую достоверность. Так, Димашки и Абу-л-Фиды описывают город Мерв в том виде, в каком он существовал до монгольского нашествия, и не говорят ни слова о его разрушении монголами (вследствие чего Риттер пришел к неверному заключению, что к XIV в. Мерв уже вполне оправился от этого погрома); Казвини к описанию Мерва прибавляет, что «теперь город этот разрушен» (*Жуковский, Развалины Старого Мерва*, стр. 54-55). Выражения Казвини в том месте,

где он говорит о Джейхуне и Хазарском море (Исключение составляют слова о впадении Джейхуна «в Восточное море», напротив страны Яджудж и Маджудж». Мусульманские писатели отождествляли стены, преграждавшие путь народам Гог и Магог, то с Дербендской, то с Китайской стеной; о местоположении обеих наш автор, по-видимому, имел только смутное понятие), заставляют полагать, что и эти сведения заимствованы из рассказов современников, а не из книжных источников. Лерх полагает, что о водопаде при устье Аму-Дарьи Казвини говорит на основании легенды, которую мы находим еще у Страбона; но при этом не указываются никакие промежуточные звенья в мусульманской литературе; тюркское название места также говорит против такого предположения. Исследования русской экспедиции 1879 г. подтверждают факт существования на Узбое громадных водопадов (Глуховский, *Пропуск вод р. Аму-Дарьи*, стр. 22, 201-203). Во всяком случае, после разрушения плотин во время монгольского нашествия часть вод Аму-Дарьи [82] направилась на запад. Джувеини, писавший в 658/1260 г., говорит о нескольких пунктах, расположенных к западу от Аму-Дарьи, между прочим, и о Хазараспе: «Теперь, после нашествия монголов, этот город поглощен водой» (Рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 101: ***).

Еще менее вероятным казалось известие Хафиз-и Абру о совершенном исчезновении Аральского моря и о соединении Сыр-Дарьи с Аму-Дарьей. В той же книжке журнала английского географического общества, где это известие было сообщено Ролинсоном, были помещены возражения Мэрчисона (Murchison). По его словам, Аральское море становится известным вместе с проникновением цивилизации в страну и исчезает во время полного упадка культуры; очевидно, оно существовало всегда, но одно время не было географов, чтобы засвидетельствовать этот факт. Образование впадины нынешнего Аральского моря должно было быть связано с таким геологическим переворотом, о котором, если бы он произошел в историческое время, молва распространилась бы по всей Азии и Европе (Murchison, *Address*, p. 205). Эти доводы Лерх (*Khiva oder Kharesm*, S. 25) признал вполне убедительными; столь же отрицательно отнесся к нашему автору Реслер (*Die Aralseefrage*, S. 245 sq). В настоящее время едва ли можно считать эпоху Шахруха временем упадка культуры; во всяком случае, придворный историк и географ Шахруха не мог не иметь основательных сведений о Хорезме, входившем в состав владений его государя. Впадина Аральского моря, конечно, образовалась гораздо раньше и никогда не переставала существовать; но возможно, как указывал Мэрчисону еще П.П. Семенов (Murchison, *Address*, p. 214), что озеро, лишившись обоих своих больших притоков, обратилось в ряд камышовых болот. Следы некогда существовавшего соединения Сыр-Дарьи с Аму-Дарьей видны еще в настоящее время (Костенко, *Туркестанский край*, т. 1, стр. 199).

Относительно того, в какое время река снова приняла прежнее направление, до сих пор было известно только свидетельство Абулгази, который относит это событие к 1575 г. и прибавляет, что вследствие этого окрестности Ургенча опустели. Де Гье (*Das alte Bett des Oxus*, S. 52 sq) отметил в рассказе Абулгази некоторые неточности и противоречия и на этом основании отрицает его достоверность. В подтверждение слов Абулгази мы можем, однако, привести свидетельство более раннего писателя. В анонимной истории восточных государств (Единственная известная нам рукопись находится в лейденской библиотеке, Ms. Or. 917. Полное заглавие: ***), составленной в 990/1582 г. на турецком языке для султана Мурада III (1574-1595), о Хорезме говорится (Л. 54) *** [83]

«Всевышний бог за что-то прогневался на них (жителей Хорезма); реку Джейхун он повернул от города Ургенча, столицы Хорезма; теперь река изменила свое течение и протекает на расстоянии нескольких дней пути от города».

Приведенные известия, не разрешая окончательно вопроса о прежнем течении Аму-Дарьи, на наш взгляд, показывают, что монография де Гье не может считаться последним словом по данному вопросу, который поэтому остается на очереди (<К вопросу о нижнем течении Аму-Дарьи в исторический период В. В. Бартольд обращался неоднократно (см. его работы: *К вопросу о впадении Аму-Дарьи, Сведения об Аральском море, Орошение* и др.). Комплексные исследования в 1950-1956 гг. подтвердили в основном один из главных выводов В. В. Бартольда, сделанный им на основе изучения данных письменных источников, что по Узбою имел место сток вод Аму-Дарьи через Сарыкамыш. Правда, этот сток был значительно более кратковременным, не с XIII по XV в., а несколько десятилетий с конца XIV по начало XV в. Подробнее см. *Низовья Аму-Дарьи*, стр. 29-31 и наст. изд., т. III, стр. 93, прим. 117>).

Выше (стр. 80) мы привели слова Хафиз-и Абру, из которых видно, что даже космографическая часть была написана только через 3 года после того, как он по поручению Шахруха приступил к своему труду. Еще двумя годами позже (822/1419 г.) был окончен первый том, последняя часть которого была посвящена Керману. Д-р Rieu относит к первому тому также главу о Хорасане, которою, однако, как видно из слов самого Хафиз-и Абру (*Рук. Публ. б-ки Dorn 290, л. 322а (в главе о Хорасане): *** . Глава о Кермане отнесена к первому тому в оглавлении (лл. 11-13)*), начинался второй том. Очерк истории Хорасана, очень подробный и интересный, в петербургской рукописи кончается рассказом о смерти царевича Са'д-Ваккаса; известие об этом событии было получено в раби' I 821 / <апреле – мае> 1418 г. В лондонской рукописи рассказ продолжен до сафара 823 г. / <февраля – марта> 1420 г., после чего помещена прокламация Улугбека жителям Самарканда о победе его отца над мирзой Искендером при Исфахане (817/<1414-15> г.). В главе о Хорасане, как заметил еще д-р Rieu, часто делаются ссылки на главу о Мавераннахре, которой, по-видимому, должна была оканчиваться книга и которой нет ни в петербургской, ни в лондонской рукописи. Географическая часть этой главы, что до сих пор не было замечено, имеется в рукописи оксфордской Бодлеянской библиотеки Fraser 155, которую не мог определить Эте (*Sachau – Ethe. Catalogue, p. 86. <№ 149>*). На этой в высшей степени интересной рукописи мы остановимся подробнее. [84]

На переплете позднейшей рукой написано заглавие Интихат ат-таварих («Извлечение из летописей»), которого нет в тексте и которое, вероятно, придумано каким-нибудь читателем. Рукопись начинается рассказом о смерти ильхана Хулагу; дальше продолжается история Хорасана (не история монголов вообще, как сказано у Эте). Мы сличили этот отрывок с текстом петербургской рукописи и окончательно убедились в справедливости того заключения, к которому пришли еще раньше на основании данных, сообщенных в каталоге Rieu о лондонской рукописи: оксфордская рукопись – экземпляр того же сочинения, какое имеем в рукописях лондонской и петербургской.

После прокламации Улугбека без оглавления начинается отрывок о Мавераннахре; первые слова его: ***

«Та часть населенного пояса, которая носит название Мавераннахра, преимущественно принадлежит к пятому из семи климатов. Начало этой области со стороны запада – место, долгота которого, считая от Райских островов, 95°; это – долгота Хорезма; область простирается на 12°, до Кашгара и Хотана, т.е. до 107°. В некоторых рукописях, где долгота определяется до берега [Африки], приведены цифры на 10° меньше, т.е. от 85° до 97°.

Дальше говорится о плодородии страны и перечисляются лучшие города ее (Бухара, Самарканд, Термез и Ходжент); после этого автор переходит к определению широты мест: ***

«Широта области: от [города] Амуге и Джейхуна, составляющего предел четвертого климата и начала пятого, до Чача (Ташкента) и Ферганы, лежащих в конце пятого климата, и Кашгара и Алмалыка, составляющих начало шестого, страна простирается на 5° от 39° до 44?» (Цифры соответствуют астрономическим представлениям того времени; ср. Sedillot, *Prolegomenes*, t. II, p. 268).

Границы Мавераннахра определяются следующим образом: *** [85]

«Северо-восточная граница Мавераннахра – область Кашгар и Хотан до пределов Моголистана; дальше идет земля уйгуров. Северо-западная граница – кипчакская степь, страна узбеков и Туркестан. К северу от Мавераннахра простирается шестой климат, [именно] Алмалык и Баласагун; все это – область тюрок».

Следующее затем описание редкостей (***) страны, рудников, предметов добывающей и обрабатывающей промышленности (лл. 166-167) почти буквально заимствовано у географов X в. Некоторого внимания заслуживает упоминание какой-то ткани из верблюжьей шерсти, которую умели возделывать только в Мавераннахре и которая вывозилась оттуда во все страны (Л. 167: ***); вероятно, эта ткань тождественна с той, о которой говорит историк XIII в. Несеви (*Сират Джелаль-ад-дин*, I, 33; II, 57). Дальше прославляется правитель Мавераннахра Улугбек; здесь же говорится, что глава о Мавераннахре написана в 823 /<1420> г. После этого должна была следовать карта Мавераннахра, место которой в нашей рукописи оставлено пустым.

Из отдельных городов Мавераннахра Хафиз-и Абру, прежде всего, конечно, останавливается на Самарканде. Основание города, по его словам, одни приписывают Кайкаусу, другие – Александру Великому, третьи – йеменскому царю Шаммару. После мифических сказаний о Шаммаре приводится из географии Истархи известие о древней надписи на самаркандских воротах. Дальше говорится, что Саманиды перенесли свою столицу в Бухару, но что при Караханидах Самарканду было возвращено его прежнее значение: ***

«Из туркестанских ханов Тамгач-хан (Т.е. «великий» Тамгач-хан Ибрахим б. Наср, умерший в 460/ 1067-68 г., см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 211-212) и Мухаммед-хан (Т.е. Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман. О его постройках в Бухаре см. Нер-шахи, изд. Шефера, 17, 23, 28, 33, 49-51), вступившие в родство с Сельджукидами, имели столицу в Самарканде; также Осман-хан, сделавшийся зятем хорезмшаха Мухаммеда. – Чагатай-хан и его потомки не жили в городах, но кочевали по летовкам и зимовкам Мавераннахра и Туркестана».

После этого описывается самый город: *** [87]

«Здания Самарканда все выстроены из глины и дерева. В Самарканде иногда бывают землетрясения, но сильные землетрясения редки; по этой причине стены строят из дерева и с внешней стороны обмазывают их глиной. В кварталах, базарах, улицах и большей части домов есть текущая вода; нет больших домов без бассейна и деревьев, в какую бы сторону не пойти; поэтому Самарканд получил прозвание земного рая. Когда созвездие Рака становится местом восхода Сириуса и местом успокоения луны (Т.е. в июне), то каждый уголок в садах Самарканда – отражение горного рая, и каждая сторона площадей его – напоминание об эдеме.

В прежние времена город Самарканд имел обширную цитадель, окруженную несколькими рядами стен и глубоким рвом; развалины ее видны еще теперь и носят название Бала-Хисар. Она была разрушена во время погрома Чингис-хана; подробный рассказ о ее разрушении будет помещен в исторической части [главы], если угодно Единому богу. Когда власть перешла к великому эмиру Сахибкирану, то он в 773 (1371-72) г.х. заложил существующие теперь стены города и в короткое время окончил постройку (Часть описания Самарканда до этого места почти буквально повторена в 'Абдулла-наме Хафиз-и Таныша, рук. Аз. муз. 574 age, лл. 230-231). В том же году он воздвиг цитадель (арк) (Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 208). После этого с каждым днем увеличивалось процветание Мавераннахра, особенно Самарканда. К постройкам этого эмира принадлежит соборная мечеть (Там же, III, 178 и сл. Очевидно, речь идет о мечети Биби-ханым), воздвигнутая внутри города; во всей населенной части мира никто не укажет подобного здания. Фундамент укреплен твердыми камнями; михраб выстроен из стали с редкими фигурами, удивительными орнаментами, красивыми надписями и искусно сделанными украшениями. В четырех углах возвышаются к небу (Собств., к Овну) четыре минарета; 400 мраморных цельных колонн, каждая [вышиной] в 10 метров, привезены сюда из отдаленных мест. Двор и крыша всего здания выложены камнями, скрепленными между собой настолько искусно, что до конца мира, несмотря на чередование месяцев и годов, рисунки не могут стереться, и все здание обеспечено от разрушения. Что касается других высоких зданий, то в окрестностях [88] есть несколько больших садов, из которых в каждом выстроен царский дворец, в частности:

- 1) Северный сад.
- 2) Сад, пленяющий сердце
- 3) Сад чинары.
- 4) Райский сад.
- 5) Сад совершенства (Баг-и болды).
- 6) Сад царевича Шахруха.
- 7) Сад воронов.
- 8) Высокий сад.
- 9) Сад царевича Улугбека.
- 10) Сад площади (О первых пяти и о 10-м говорится у Бабура, Бабур-наме, изд. Ильинского, 57-58; пер. Лейдена-Эрскина, 50-52. О постройке первого – Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, II, 408; о постройке второго – там же, II, 423).

Кроме того, эмир назначил медресе, ханкахи, оклады, пенсии и земельные участки в этом благословенном городе в пользу людей способных и достойных. Согласно изречению: «Люди следуют вере своих царей», эмиры, вельможи, старшие и младшие царевицы – все по примеру того государя воздвигли в той области высокие здания, именно медресе, мечети и ханкахи, назначили вакфом в их пользу поместья и населенные имения и определили содержание ученым и отшельникам (**Почти в тех же словах говорится в ‘Абдулла-наме о Бухаре (рук. Аз. муз. 574 age, л. 101)**). Прежде все здания Самарканда были выстроены из глины и дерева; в дни этого царствования построили много зданий их жженого кирпича. Из всех городов Мавераннахра только в Самарканде есть монетный двор. Вокруг Самарканда, в какую бы сторону не отправиться на один или два месяца пути, нигде не осталось такого места, где путешественники были бы вынуждены перевести ночь в поле; хотя бы их было до 1000 всадников, для всех во все четыре времени года приготовлено помещение и вода.

Окрестности Самарканда. Что касается ближайших окрестностей города, то здесь 5 арыков и [на них] 72 селения:

- 1) Арык базара,
- 2) Арык Маздахин,
- 3) Арык воды милосердия (**Или Аб-и сиях («Кара-су»), т.е. «Черная вода»; см. у Бабура там же**),
- 4) Арык Каранд,
- 5) Арык (**Название пропущено в рукописи**)

Описание тюменей Самарканда. Шавдар, к югу от Самарканда; отличается здоровым воздухом; местные жители крепки и здоровы. Протяжение округа – 10 фарсахов. У жителей много вьючного скота.

Ура-Тюбе и Иштихан (**Сближение Иштихана, находящегося к северо-западу от Самарканда, с Ура-Тюбе очень странно и, вероятно, должно быть объяснено искажением текста**). Некоторые причисляют к Иштихану также Нур.

Яркет (**Волость Яркет находилась на крайнем северо-востоке Самаркандской области**). В этом тюмене вода большею частью из источников. Там [89] сеют хлебные растения и саман (?). Сравнительно с остальными местностями Мавераннахра в этом тюмене мало пастбищ.

Яр-яйлак, Мутефаррика (?), Дизак, Шираз соответствуют одному тюмену.

Анхар – новый тюмень, впервые образованный при великом эмире Сахибкиране.

Согд. Красота и прелесть Согда самаркандского настолько известны, что нет надобности распространяться о них.

От Бухары до Самарканда – 8 дней пути; по обоим берегам реки непрерывно тянутся сады, пашни, населенные места и цветущие луга. Плоды здесь лучше, чем в других местах; во всех домах и жилищах есть текущая вода; жители известны гостеприимством и щедростью».

В подтверждение последнего факта приводится заимствованный у Истархи (Истархи, 289) рассказ о доме, двери которого оставались открытыми в течение 100 лет, причем автор, однако, добросовестно добавляет: «С того времени, как был написан этот рассказ, прошло 450 лет; обстоятельства и состояние различных мест с тех пор совершенно изменились» (***).

Описание Бухары гораздо короче; описывается преимущественно Бухара Саманидов; о современном ему городе автор говорит: «Хотя теперь, по сравнению с прежним временем, не осталось и десятой части, но по сравнению с другими известными городами Бухара за свое плодородие и мирное благоденствие может быть названа райским садом» (***). О реке Кухек (Зеравшан) говорится, что нижнее течение ее во время половодья доходит до Аму-Дарьи (Л. 171: ***). Дальше в следующих словах описываются окрестности Бухары и другие важнейшие города Мавераннахра: *** [91]

«Плоды бухарские - лучшие из плодов; они собираются в большом количестве, особенно бухарские сливы, которые вывозятся во все страны. Сироп, приготовляемый в Бухаре, нельзя отличить от меда. Во всей степи много скота. Дрова в Бухаре большею часть берут из садов; из окрестностей также привозят тамариск и тростник для топлива. Близ Бухары находится гора, соединяющаяся с горами, расположенными между Самаркандом и Кешем и простирающимися до Осрушаны на границе с Ферганой и соседними областями. В качестве особенности Бухары приводят еще то, что нигде нет людей гостеприимнее жителей Бухары.

Зуш – одна из бухарских деревень; для обозначения человека, происходящего оттуда, употребляют форму *Зушени*.

Тававис прежде был одним из пригородов Бухары, теперь опустел.

Кермине прежде была небольшим городом, теперь представляет крупный центр.

Дабусия – небольшой город между Бухарой и Самаркандом; теперь причисляется к пригородам Самарканда; имеет крепость, построенную, по преданию, султаном Джелаль ад-дином. От Дабусии до Кушаны 5 фарсахов.

Кеш называют также Шахрисябзом («зеленым городом»). Кеш, не считая селений и пригородов, простирается на три фарсаха в ширину и столько же в длину (**Обширность города, вероятно, преувеличена**). Это – укрепленное место. Вблизи находятся горы, где добывается прозрачная каменная соль, частью разноцветная; из нее выделяют разные вещи; этой же солью пользуется город. Воды много, так что в домах всего простого народа и садах всегда есть текущая вода; каршинская вода получается от излишка кешской. Много разного [92] рода плодов; больше всего плодов вывозится из пределов этого округа. Кеш – самая жаркая местность в Мавераннахре; иногда в том городе бывают засухи и эпидемии, поражающие особенно приезжих. Город имел древние стены, которые пришли в разрушение; в 780 (1378-79) г. эмир Сахибкиран вновь заложил стены и в том же году окончил постройку (**Ср. Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 307, где постройка отнесена к 781/<1379-80> г.; там же о постройке Ак-Сарая**). Через 3 года он, взяв Герат, разрушил гератские стены, перевез ворота, обитые железом, в Мавераннахр и поставил их в качестве городских ворот Кеша (**Там же, I, 327**). В дни царствования Сахибкирана город достиг высшей степени процветания. Эмир велел выстроить здесь большие здания; из них [замечательна] высокая постройка, служащая жилищем для сеййидов; к этому дому были присоединены в качестве вакфа поместья, населенные имения и цветущие поля. Для самого государя выстроили

высокое здание, известное под названием Ак-сарай; это – грандиозное здание; фронтон его виден на расстоянии нескольких фарсахов. Кроме того, частью сам государь, частью эмиры и вельможи выстроили в городе и его окрестностях медресе, ханкахи, рабаты и бассейны.

К пригородам Кеша принадлежит *Нахшеб*; его называют также Несефом; теперь он известен под названием Карши. Это – древний городок, расположенный в равнине; оттуда до гор 2 дня пути в сторону Кеша; по другую сторону до Джейхуна простирается степь. Вода той местности составляет остаток воды Кеша; проток этой воды проходит по середине города; на берегу этой реки расположены все деревни в окрестностях Нахшеба. Других речек в области Нахшеб нет; даже эта в летнее время иногда высыхает, и воды не остается. Сады частью орошаются водою из колодцев. Их мельницы приводятся в движение при помощи выючных животных. Плоды и жизненные припасы в той местности обильны и дешевы. Город имеет небольшую цитадель; соборная мечеть находится внутри цитадели. Здесь имеется гробница царя Кебека (*Чагатайский хан, правивший в начале XIV в. <1318-1326 гг.>; о нем см. Ибн Баттута, III, 31-32, <также наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 32-33>*). Здания выстроены из глины, кроме соборной мечети и салтанских гробниц, выстроенных из жженого кирпича с глазурью. Из этого города происходят известные ученые, как ими Неджм ад-дин Омар Несефи и другие. По-тюркски *Карши* значит «царский дворец»; царь Кебек выстроил здесь дворец, от которого город получил такое название.

Термез (*Настоящее произношение этого города Тармиз, как видно из китайской транскрипции Дами (ср. Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 24) и из слов Сам'ани (XII в.), рук. Аз. муз. 543а, л. 74: ****) – город на берегу Джейхуна; состоит из цитадели и собственно города; прежде город имел также пригород. Базар и соборная мечеть находятся в собственно городе; здания выстроены из глины. Пашни орошаются водой Чаганианской реки. Основание города приписывается [93] Зу-л-карнейну [Александру Великому]. Местные жители занимаются также торговлею.

Бурдагуй – место на берегу Джейхуна, вблизи Термеза. Некоторые говорят, что Бурдагуй был основан задолго до Термеза; по другим, его выстроил тоже Александр; [по этой версии] Бурдагуй – греческое название, данное месту также при Александре; значение его – «гостиница». В древности в Бурдагуе жили главные лодочники, заведовавшие переправами через Джейхун; здесь же было место переправы султанов, переходивших через эту реку. Древние цари за охранение переправы оказывали покровительство жителям того места и освобождали их от податей; по этой причине место было многолюдным промышленным центром. Каждого путешественника, приезжавшего сюда, принимали с большим почетом; жители получали известность за свою щедрость, доходившую до таких размеров, что из-за каждого проезжавшего здесь путника непременно возникали споры среди жителей Бурдагуя: каждый хотел увести гостя в свой дом. Между жителями Термеза и жителями Бурдагуя большею частью было соперничество. В окрестностях Бурдагуя много камышей, в которых водятся львы.

Есть еще третья переправа, тоже в этой местности, именно Келиф. Келиф причисляется к Хорасану, так как обработанные земли жителей находятся по сю сторону реки. И теперь здесь есть переправа, известная под названием келифской. В некоторых книгах написано, что Александр в месте Келиф зарыл клад, что Ануширван употребил много стараний, чтобы добыть его, но безуспешно. Бог лучше знает.

Ходженд. Он граничит с Ферганой, но составляет особую административную единицу; область занимает пространство в 30 фарсахов: город тянется по берегу реки Сейхун, в

равнине, на пространстве 1 фарсаха. В нем много садов и цветников; есть прекрасные плоды, особенно миндаль, гранаты и бесподобные груши, известные под названием *нашбати*. Жители Ходженда отличаются благородством и красотой. По реке Сейхуну до этого города ходят суда из Осрушаны, Ферганы и других мест; эту реку называют также Ходжендской рекой. В древности в одной части Ходженда была крепость, теперь разрушенная. Бог лучше знает.

Этим кончается географическая часть главы, за которой, как видно, между прочим, из приведенных выше (стр. 87) слов автора, должен был следовать очерк истории страны: последнего в нашей рукописи, к сожалению, нет. Можно надеяться, что в Средней Азии еще найдутся рукописи главы о Мавераннахре; подобная рукопись несомненно еще была в руках автора '*Абдулла-наме* (в конце XVI в.), как видно из некоторых мест его сочинения, указанных нами в примечаниях.

Выше мы говорили, что в рукописях географического труда Хафиз-и Аbru мы находим также предисловие и оглавление к его исторической [94] компиляции. Из предисловия мы узнаем, что автор еще в 820/<1417-18> г., задолго до окончания своей географии, получил от Шахруха поручение составить сборник по всемирной истории, главным образом на основании Табари (в персидском переводе), «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и *Зафар-наме* Низам ад-дина Шами (Ср. Rieu, *Pers. MSS.*, vol. 1, pp. 170, 172, 423), присоединив к этому последнему труду историю царствования Шахруха. По мнению д-ра Rieu, это сочинение было первым изданием знаменитой хроники «Сливки летописей» (*Зубдат ат-таварих*) (<Как показал Ф. Тауэр, текст *Зубдат ат-таварих* значительно более близок к историческим дополнениям, сделанным Хафиз-и Аbru к своему географическому сочинению, чем к дополнениям, помещенным им в сборнике по всемирной истории (*Маджму'а*). См. Хафиз-и Аbru, *Муджму'а*, извлеч. в изд. Тауэра, стр. XI>); во всяком случае, до нас от этого издания не дошло ничего, кроме предисловия и оглавления (<В настоящее время известны по крайней мере 5 списков *Муджму'а* Хафиз-и Аbru. Состав этого компилятивного сочинения, а также перечень частей, написанных историком, детально изложены у Ч. Стори (*Persian Literature*, vol. 1, section II, fasc. 1, pp. 87-88; pt. 2, p. 1235; там же см. о списках и изданиях дополнений Хафиз-и Аbru, *Маджму'а*, извлеч. в изд. Тауэра, стр. IX-XI>). Предисловие почти без перемен (Панегирик Шахруху в рук. Публ. б-ки Dorn 290, л. 26 буквально сходен с приведенным у Rosen, *Les manuscrits persans*, pp. 57-58. Также сходны три главы *** ; ср. Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 71) вошло в упомянутую хронику, к составлению которой автор приступил в 826/1423 г., очевидно, после окончания географии, по поручению Шахруха и его сына Байсункара. Число его источников на этот раз более значительно, и между ними есть такие, которые теперь считаются утраченными, например, упоминаемое у Хаджи Халифы сочинение Сельджук-наме Захир ад-дина ан-Нишапури (<Сочинение издано в 1953 г., см. Захир ад-дин Нишапури, изд. Ашфара – Рамазани; ср. оценку сочинения в статье К. Каэна. *The historiography*, pp. 73-76>). Полное оглавление книги, помещенное в рукописи Публичной библиотеки Dorn 268 (Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 53), написано не раньше 828/<1424-25> г., так как кончается на последовавшем в этом году походе Улугбека в Моголистан. По этому оглавлению или, вернее, плану (В нем перечисляются династии и т.п., история которых была предметом повествования; но перечисленные здесь главы не совпадают с заголовками в тексте) труд разделялся на 4 тома: в первом излагалась домусульманская история, во втором – история пророка и халифов, в третьем – история восточномусульманских и монгольских династий до

Тимура; четвертый разделялся на два отдела, из которых первый был посвящен Тимуру, второй – Шахруху; при этом приводится подробное оглавление второго отдела (<Весь этот громадный труд носит название *Маджма ат-таварих*; кроме того, четвертый том (руб') имеет специальное название *Зубдат ат-таварих-и Байсункари*; первой части этого тома посвящена специальная статья Ф. Тауэра (*Analyse des matieres*), см. также Storey, *Persian Literature*, vol. I, section II, fasc. 1, pp. 88-89; pt. 2, p. 1235>). [95]

На основании каталога европейских библиотек (Первые два тома вполне заключаются в рукописи Публ. б-ки Dorn 268, часть первого тома – в рукописи Брит. муз. Or. 2774 (Rieu, *Suppl. Pers.*, p. 16, <№ 27>), часть второго тома – в венской рукописи Mxt. 454 по каталогу Флюгеля № 952 (Flugel, *Handschriften*, Bd. II, S. 174) можно бы думать, что сохранились только первые две части труда Хафиз-и Абру, которые, по справедливому замечанию бар. В.Р. Розена (*Les manuscrits persans*, p. 53), представляют гораздо меньше интереса, чем утраченные, хотя и не лишены значения, так как автор пользовался своими источниками с чрезвычайной добросовестностью и полнотой. Буквально восприняв взгляды и приемы Рашид ад-дина, автор в отношении полноты далеко превосходит свой образец, особенно в первой части. Как доказал бар. Розен, эта часть вошла в составленный по приказанию Шахруха и под руководством Хафиз-и Абру список всеобщей истории Рашид ад-дина; в петербургских библиотеках находятся четыре рукописи этого сборника (Рук. Публ. б-ки, V, 3, 12 и V, 3, 13; Рук. Аз. муз. b 566, рук. Учебн. отд. МИД № 273. <О последних двух списках см. *Персидские и таджикские рукописи ИНА*, №№ 3821-3822; также Rosen, *Les manuscrits persans*, pp. 52-111, № 7.>). Рукопись Аз. муз. Была принята бар. В.Г. Тизенгаузенем за сокращенную редакцию *Зубдат ат-таварих*; ср. Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 55 и Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 30 (где вместо 565 b следует читать b 566). Ссылки на рук. Публ. б-ки V, 3, 12, сделанные в книге проф. Жуковского, все относятся к тексту Рашид ад-дина, а не к тексту Хафиз-и Абру), раньше принимавшегося за экземпляры *Зубдат ат-таварих*.

Значение первоисточника мог, однако, иметь только 4-й том, экземпляры которого до сих пор никем не были указаны. Мы полагаем, что имеем второй отдел этого тома в Бодлеянской рукописи Elliot 422, кратко описанной в каталоге Эте (Sachau-Ethe, *Catalogue*, p. 90, <№ 161>. <О других списках этого тома см. Хафиз-и Абру, *Маджму'а*, извлеч. в изд. Тауэра, стр. XII>).

Как видно уже из этого описания, автор рукописи был современником Шахруха; к имени этого государя постоянно присоединяется формула: «Да сделает бог вечным его царствование и владычество» (***).

План и изложение представляют очень близкое сходство (Так, под 815 г.х. оба автора говорят, что так как об истории Хорезма раньше не говорилось, то они помещают ее здесь. Ср. оксфорд. рук., л. 191 и рук. ун-та № 157, л. 104) с соответствующей частью «Места восхода двух счастливых звезд (*Матла' ас-са'дайн*) Абд ар-Раззака Самарканди, для которого труд Хафиз-и Абру, как известно, был главным источником. Во многих местах текст оксфордской рукописи буквально соответствует тексту Абд ар-Раззака; иногда он, несущественно отличаясь от слов Абд ар-Раззака, в то же время буквально сходен с текстом географического сочинения Хафиз-и Абру. Для примера выпишем фразу из рукописи Elliot 422 (л. 316), буквально повторяющуюся в рукописи Fraser 155 (л. 164), и приведем варианты по рукописи Петербургского университета № 157 (*Матла' ас-са'дайн*) = М. [96] *** .

Повествование только в немногих случаях у Абд ар-Раззака подробнее, чем у нашего автора; гораздо чаще мы находим в оксфордской рукописи интересные подробности, опущенные Абд ар-Раззаком. Отметим только некоторые места. В рассказе о походе Улугбека на Кипчак осенью 822/1419 г. в *Матла' ас-са'дайн* (л. 213) говорится, что Улугбек у Чиназа переправился через Сыр-Дарью, встретил на пути монгольскую царевну, отправляющуюся к Шахруху, прибыл в Ташкент и оттуда в Бурлак (**); там он узнал о смутах среди узбеков и вернулся назад. По оксфордской рукописи (л. 320), Улугбек переправился через Сыр-Дарью 14 ша'бана (5 сентября), 19-го прибыл в «ташкентские луга» (**), через 3 дня – в Аваз (**), 24-го – на перевал (**) Орду-таш (или Орду-баш ** и **) около селения Булак (**). На пути Шахруха из Герата к Аму-Дарье сверх пунктов, названных в *Матла' ас-са'дайн* (л. 163), упомянуты еще пункты Чихиль-Духтеран («Сорок дев»), после ущелья Зенги, и озеро Ольджайту-Нор (**), после монастыря (**) шейха Баязида (лл. 8-9).. Особенно интересные дополнения мы находим в известном рассказе о посольстве Шахруха в Китай (Соответствующий отрывок из *Матла' ас-са'дайн*, как известно, издан в тексте и во французском переводе Катремером (Абд ар-Раззак, изд. Катремера). <Текст дневника посольства в передаче Хафиз-и Аbru был издан дважды: сначала в 1930 г. М. Шафи, затем К. Майтра в 1934 г. с английским переводом>). О буддийском храме в Турфане говорится: «Там много идолов, частью вновь сделанных, частью старых» (** (Л. 385)). Довольно подробно описание храма в Хами: **

«В нем поставили большого истукана; по левую и по правую сторону от него было много других истуканов, поменьше; впереди стоял большой истукан, величина которого соответствовала росту десятилетнего ребенка; фигура была сделана из меди с большим искусством и красотой. На стенах здания были искусно нарисованы кошки и красивые цветные узоры» (Всего этого нет в *Матла' ас-са'дайн*, ср. Абд ар-Раззак, пер. Катремера, 310 и М, л. 224).

В интересном рассказе о перенесении знаменитого впоследствии *кок-таша* из Моголистана в Самарканд в 1425 г. (Ср. М, л. 231) прибавлено, что [97] Улугбек употребил на это много стараний и приготовил телеги (** (л. 426)).

Против признания нашей рукописи отрывком из Зубдат ат-таварих говорит только то, что заголовки отдельных глав не совпадают с теми, которые приведены в подробном оглавлении петербургской рукописи (Рук. Dorn 268, л. 13а). Выше (Стр. 95, прим. 99) мы, однако, указали на то, что такого соответствия нет и в первых книгах. Так, история халифов в оглавлении разделена по событиям, в самом повествовании – по годам; заглавия по событиям встречаются редко, притом не те, которые приведены в оглавлении. В оглавлении истории царствования Му'тасима есть отдел ** («Прибытие Хулагу-хана в стране Иран»); в тексте об этом событии говорится без заглавия, под 646 г.х. Дальше, под 655 г.х., приведено заглавие: **. «Рассказ о решении Хулагу-хана идти на Багдад, о приведении войска для завоевания его и о прекращении халифата и владычества Аббасидов». В оглавлении этого заголовка нет.

По свидетельству Абд ар-Раззака, сочинение Хафиз-и Аbru оканчивалось рассказом об отправлении отряда из Герата в Самарканд на помощь Улугбеку; отряд выступил 17 раби' II 830/15 февраля 1427 г. На том же событии прерывается оксфордская рукопись, в которой, судя по отметке одного читателя, недостает только одного листа. Таким образом, автор остановился в своем повествовании как бы на полслове. Вероятно, смерть, последовавшая в 1430 или 1431 г. (См. выше, стр. 75, прим. 3) застала его среди работы (<Сочинение Хафиз-и Аbru оканчивается рассказом о покушении на

Шахруха 23 раби' II 830/21 февраля 1427 г.; оксфордская же рукопись прерывается на походе Шахруха на Самарканд 1 ша'бана 830/28 мая 1427 г. – исправление В. В. Бартольда, см. ниже, стр. 602 и стр. 244, прим. 103>).

В заключение, считаем нелишним указать на интересное место в сочинении одного из новейших персидских авторов, Мухаммед-Хасан-хана (ныне покойного) (См. Жуковский, *Мухаммед-Хасан-хан*), «Перлы венцов в истории Ашканидов» (*Дурап ат-тиджан фи та'рих <Бани> ал-Ашкан*). Говоря о нашем авторе и его знаменитом историческом труде, Мухаммед-Хасан прибавляет, что он владеет полным экземпляром Зубдат ат-таварих (*Дурап ат-тиджан*, стр. 240: *** . Там же приводится факт совпадения начала трудов Рашид ад-дина и Хафиз-и Аbru (ср. Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 56). Где находится эта рукопись в настоящее время, нам неизвестно; по слухам, Мухаммед-Хасан перед смертью завещал всю свою библиотеку покойному Насир ад-дин-шаху.

(Напечатано: "Музаффарийа" Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена. Спб., 1897)

(пер. В. В. Бартольда)

Текст воспроизведен по изданию: Хафиз-и Аbru и его сочинения // Академик В. В. Бартольд. Сочинения, Том VIII. Работы по источниковедению. М. Наука. 1973